

В этой тираде звучит не спокойный, бесстрастный голос переводчика, а вопль возмущенного очевидца или потерпевшего.

К каким же выводам приводит нас анализ перевода романа Прево, выполненного Елагиным и Лукиным?

Работа их была, безусловно, значительным фактом для своего времени, так как явилась одной из первых попыток к созданию печатной литературной прозы на русском языке. У обоих переводчиков видно стремление не столько сохранить и передать средствами родного языка все неповторимые особенности художественного произведения иностранной литературы, сколько довести до русского читателя увлекательный и интересный материал романа. Если для Елагина писательский труд был просто занятием, то для Лукина работа над романом явилась своего рода школой: занимательное и не лишенное критической интонации повествование многострадального Маркиза не только расширило круг интересов переводчика, но и определило в какой-то мере его задачи в области дальнейшей литературной работы, возбудило стремление изображать то, что «весьма близко к естествену и истинне».

Метод переводческой работы Елагина и Лукина в основном является строгим, последовательным, особенно это характеризует, как мы показали, работу Лукина, хотя в иных местах, затрагивающих его внимание сильно, мы находим несколько субъективную, подчеркнута экспрессивно выраженную передачу текста оригинала.

Говоря о «строительном материале» при переводе произведения, т. е. о языке, надо признать, что в этом отношении Елагин и Лукин действовали свободно, не заботясь о том, чтобы найти средства к точной передаче особенностей языка оригинала в смысле своеобразия синтаксической структуры, грамматических примет, идиоматических выражений, системы образов. Русских переводчиков, по-видимому, больше занимала проблема становления языка национальной русской прозы, путь ее дальнейшего развития. И если язык первых четырех частей романа, переведенных Елагиным, можно назвать славяно-русским, то язык Лукина — это скорее уже русско-славянский язык, структурной основой которого служит не церковно-книжная речь, а стихия устного, разговорного языка, обильно расцвеченного просторечием, причем наличие в нем черт южнорусского произношения и такой же фразеологии позволяет сделать предположение, что сам Лукин был южнорусского происхождения.

Несомненно, что Лукин значительно усилил тенденцию Елагина к расширению места для русской разговорной речи в литературе. У него больше, чем у Елагина, заметно стремление